

«ОСТРОВ ЮГ»

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЮЖАН США В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Евгений Александрович ПАЗЕНКО, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Уссурийского государственного педагогического института. Занимается историей Юга США XIX в. Автор ряда статей по этой проблематике.

Ни в какой другой части Соединенных Штатов на протяжении всей их истории не царил в такой степени дух обособленности, как на Юге. В 30—50-е годы XIX в. этот процесс значительно обострился в связи с усилением межсекционных противоречий. Неспособность южных штатов сохранить равноправные отношения в американском союзе, растущее осознание угрозы со стороны промышленно развитого северо-востока страны и протекционистской политики федерального правительства повлияли на стремление плантаторской элиты Юга быть в изоляции, в том числе и культурной. По мнению Д. Бурстина, по мере того как на Юге Соединенных Штатов в первой половине XIX в. все больше и больше живущих там людей стали осознавать себя отдельной и однородной нацией, начал складываться «остров Юг»¹. Поскольку примером для американских плантаторов всегда был образ жизни английских джентри XVII в., потомками которых многие из них себя считали, а часто и были, теоретическое обоснование культурной обособленности нашло выражение в тяготении общественной мысли Юга к идеалу греческой демократии. И это не случайное явление второстепенного характера, а все более расширявшаяся в последние несколько десятилетий перед гражданской войной тенденция. Сочетание в ней романтизма и реализма как нельзя лучше отвечало складу мыслей плантаторов Юга. По выражению В.Л. Паррингтона, «оно придавало некую идеальную ценность зыбкой действительности и ставило благородную цель, за достижение которой южане боролись негодными средствами. Концепция гуманной демократии, демократии высокой культуры, освобожденной от ограничивающих ее требований экономики, с тем чтобы заняться осуществлением более высоких задач цивилизации, являлась идеалом, достойным благородной мысли Юга, идеалом, который становился еще более привлекательным при сравнении с мечтой Севера об индустриализации, основанной на эксплуатации»². Тот факт, что идеал этот оказался утопическим, отнюдь не умалял его роли в формировании идеи южной нации.

Причины появления этих представлений у южан связаны с необходимостью привести в соответствие два, казалось бы, несовместимых явления — систему владения рабами-неграми и укрепление позиций демократии белых. В то же время оправдание рабства в условиях, когда само существование этого института было поставлено под сомнение, требовало осмысления общественных отношений, на нем основанных. Кроме того, появление этого идеала отражало стремление к культурной

обособленности Юга, а точнее — его политической и общественной элиты — плантаторов-рабовладельцев. Развитие идеала греческой демократии происходило в русле консерватизма южной общественно-политической мысли, и его появление утверждало стабильность и неизменность южного образа жизни. На фоне быстро развивавшихся северо-восточных штатов и возникавшего вследствие этого роста социальных проблем сохранение социально-экономической структуры воспринималось как достижение высокоразвитой южной цивилизации, которая являлась примером социальной организации для остальных стран.

Укреплению идеала греческой демократии в самосознании южан в 30—50-е годы XIX в. способствовала политика ограждения Юга от чуждых и враждебных идей. С возникновением аболиционистского движения под руководством Уильяма Ллойда Гаррисона и Уэнделла Филлипса сопротивление южан проникновению идей, осуждавших южные социальные порядки, ужесточилось. Южане создали то, что Клемент Итон назвал «интеллектуальной блокадой». Преподобный Чарльз Колкок Джоунз из Райсборо, штат Джорджия, писал в 1842 г.: «Ввиду возбуждения озабоченности на Севере и Западе общим состоянием негров Юг стал более чутким. Необходимость вынудила нас занять оборонительную позицию, и сила наша проистекает из нашего единства. Потому наш общественный разум и не дремлет, храня постоянную бдительность, чтобы суметь заметить любые чувства и мнения, враждебные нашему общественному строю, приходящие извне или зарождающиеся изнутри»³. Социальная критика стала невозможной, однако никто и не пытался критически взглянуть на социальную организацию рабовладельческих штатов в силу внутренних причин интеллектуального развития общественной мысли Юга.

Ограждению Юга от чуждых подстрекательских идей способствовало и отсутствие существенной европейской иммиграции. В Новой Англии заимствованные доктрины немецкого трансцендентализма и восточного мистицизма стали родоначальниками различных реформаторских идей. Немецкое политическое мышление в лице Карла Шурца способствовало возникновению на Западе республиканской партии. Юг же подобных заимствований почти не знал. По гордому замечанию Уильяма Вудса Холдена из Северной Каролины, «...газетам, приверженным делу социализма, социального равенства, нигилизма, коммунизма или проявляющим нелояльность в любой форме, не выжить в атмосфере Северной Каролины»⁴. Яростный защитник «особого института» Джордж Фицхью, посвятивший целую главу своего труда «Все каннибалы!» «философии «измов»: почему они изобилуют на Севере и неизвестны на Юге, объяснял это тем, что Север нуждался в реформах, в то время как Юг, «благословенный» рабством, не знал тех самых пороков, которые вызывали потребность в реформах. Реформы, писал он, подобно общественной филантропии, были столь же лишними на Юге, сколь необходимыми на Севере⁵. Некоторые южане считали, что образ жизни, присущий джентльмену-южанину, объяснял его «здоровое», некритическое восприятие общества. Перенаселенные города Севера, утверждали они, создают естественную среду обитания для подстрекателей и истеричных реформаторов.

Занятия интеллектуальным трудом считались привилегией высших классов. «Дабы защитить верный путь, — объяснял в 1857 г. Джордж Фицхью с присущим ему крайним экстремизмом, — мы должны снять оковы с гения и обуздать посредственность. Свободу избранным, рабство во всех его проявлениях массам!»⁶ В период между 30-ми годами

ХІХ в. и гражданской войной в условиях нарастания аболиционистского движения, агрессивного неприятия рабства и социальных порядков на Юге джентльмены-южане демонстрировали высокомерное безразличие к мировому общественному мнению. «Подобающее уважение к мнению человечества», которое Т. Джефферсон считал опорой патриотизма, ныне воспринималось как измена. Д. Хандли восклицал в 1860 г.: «Джентльмен-южанин... предпочитает иметь собственное честное мнение и скорее согласится поменяться местами с самым жалким рабом плантации, с самой ленивой и тупой скотиной, чью спину мочалила плеть надсмотрщика, чем превратиться в эту ханжескую и жалкую карикатуру на человека-раба общественного мнения... Поэтому и неудивительно, что на джентльмена-южанина никогда не влияло и не влияет осуждение всем миром нашего «особого института». Ибо он мужчина до мозга костей, отважный, самостоятельный и сознательный, помнящий о собственных понятиях долга и способный следовать им»⁷.

Интеллектуальная обособленность Юга способствовала развитию самосознания, возвеличивавшего аграрную южную цивилизацию, основывавшуюся на культуре джентльмена-плантатора. Выработанный ими моральный кодекс и взгляды на общество также способствовали южному региональному единству. Общественные и моральные ценности плантаторов представляли собой комплекс романтических идей, включавший в себя рыцарский культ и идеалы греческой демократии. Этот романтический стереотип в действительности основывался на некоторых реальных аспектах жизни южного общества, особенно небольшого класса крупных плантаторов, обобщал и преувеличивал их так, что он становился типичным для Юга в целом. Небольшой привилегированный класс плантаторов стремился выдать свое самосознание за самосознание всего Юга; свои узкословные интересы они идентифицировали с благополучием всего региона. Главной в их мировоззрении была концепция джентльмена, придерживавшегося стиля английского эсквайра ХVIII в.

Романтический имидж Старого Юга являлся продуктом действия многих сил. Аболиционистская пропаганда представляла Юг как населенный высокомерными аристократами, угнетенными «бедными белыми» и черными рабами. Картина аристократического общества развивалась и самими южанами. Плантаторы идеализировали свое общество в духе средневекового рыцарства.

Отличия между южанами и северянами начинались, по мнению самих южан и внешних наблюдателей, с физического состояния. С пяти лет ребенок уже прочно держался на коне (пони), приобщался к владению оружием. До 12—13 лет дети ходили в школу, которая часто располагалась в нескольких милях от дома в ближайшей деревне. В подростковом возрасте мальчики приучались к охоте, и прежде всего к старому английскому времяпрепровождению и спорту — охоте на лис. Подобный образ жизни на коне на природе вырабатывал и соответствующий характер — отвагу, склонность к приключениям, дикий первобытный азарт. Наряду с чистым воздухом такая активная жизнь укрепляла здоровье. Культ здорового тела и духа отличал южан. В поговорки и анекдоты вошла телесная хилость северян, живших в загазованных городах, следствием чего считалась нервозность населения промышленных штатов.

Южане были очень чувствительны относительно понятия «честь», она составляла основу их этического кодекса. В общении с равными себе, как и в общении с низшими, джентльмену-южанину надлежало

руководствоваться не буквой закона, а следовать закону неписаному — милосердия и совести. Главная максима этого закона, именовавшегося «кодексом чести» («слово мужчины — это его оковы»), означало, что слово «честь», однажды произнесенное мужчиной, должно быть нерушимым, как сама жизнь. Обвинение джентльмена во лжи, оскорбление его или любое другое покушение на его честь могло спровоцировать дуэль, которая была в основе кодекса чести. Тщательно разработанный дуэльный этикет включал в себя правила послания вызова и подготовительные мероприятия. В большинстве южных штатов существовали законы, запрещавшие дуэльную практику. Северная Каролина (актом от 1802 г.) предусматривала за дуэль смертную казнь. В Южной Каролине (акт от 1812 г.) — год тюремного заключения и штраф в размере 2 тыс. дол. для всех участников дуэли, включая секундантов; уцелевший же на дуэли считался виновным в убийстве. Но жесткие законы были бессильны против нравов, царивших в среде плантаторов. Дела по дуэлям возбуждались крайне редко, общественное мнение прощало и восторгалось их участниками. В 1841 г. Генеральная ассамблея Алабамы приняла специальные акты, освобождавшие тринадцать поименованных в них граждан от присяги, подтверждавшей их неучастие в дуэлях, которая была необходима для занятия общественной должности. На протяжении последующих шести лет в Алабаме принимались еще два таких акта⁸.

Редактор газеты «Маунтэйнир», издававшейся в Гринвилле (Южная Каролина), Бенджамин Перри, убивший на дуэли конкурирующего редактора, так защищал эту практику: «Когда человек знает, что ему придется держать ответ за недостаток учтивости, он не будет столь решительно опускаться до оскорблений. В этом смысле дуэль способствует утверждению большей вежливости в обществе и более высокой рафинированности»⁹. Многие южане, отличавшиеся своим высоким развитием, признавали порочность дуэльной практики, но принимали вызов, чтобы избежать обвинений в трусости и не потерять тем самым влияния в обществе. Дуэльный кодекс придавал огромную значимость произнесенному слову, что оказывало влияние и на ведение бизнеса. На практике на честном слове держался почти весь бизнес: 9/10 сделок на Старом Юге — это неоформленное в письменных документах обещание «заплатить». И под это обещание плантаторы совершали коммерческие операции, которые в случае невыполнения данного слова могли привести к банкротству.

Дуэль получила распространение на американском континенте лишь после американской революции. До этого за весь колониальный период их произошло около десятка, в основном между военными. Общественное мнение колоний порицало дуэли. Однако европейские офицеры, обладавшие традиционным чувством кастовости, привезли с собой рыцарские традиции личного поединка. К тому же после Французской революции и падения Наполеона французские эмигранты принесли «дуэльный ренессанс и иные острые жизненные ощущения». На Севере дуэльная практика продолжалась недолго. После убийства Александра Гамильтона 10 июля 1804 г. Аароном Бэрром в северных штатах началось движение против дуэлей, подкрепленное ужесточением наказания. Надо сказать, здесь не было соответствующей культурной среды для подобного рода практики. На Юге же, наоборот, дуэли прижились прочно и были распространены в межвоенные годы. Трудно найти хотя бы одного из государственных деятелей Юга первой половины XIX в., который бы в них

не участвовал: Эндрю Джексон, Генри Клей, Джон Рэндолф, Джефферсон Дэвис, Александр Стивенс, Уильям Янси — всем им приходилось бросать, либо принимать вызов. На счету некоторых южан было до полусотни дуэлей. Много могильных камней на кладбище было украшено словами: «Пал на поле чести».

Важность и частота проведения поединков сказались на формализации церемонии южной дуэли в виде определенных правил и ритуалов. Наиболее популярным справочником служил «Кодекс чести, или Правила поведения участников поединков и их секундантов» (1838), написанный губернатором Южной Каролины Дж. Уилсоном. Слово «честь» выступало синонимом репутации и доброго имени. «Кодекс чести» Уилсона гласил, что хорошая репутация важнее самой жизни. В различных районах страны в обычае было различное оружие: шпаги в Луизиане, пистолеты — в Кентукки. Существовали правила дуэльного этикета: вызов составлялся «изысканным языком», без оскорбительных эпитетов; вызов от неджентльмена не принимался; все полномочия по организации дуэли передавались секундантам. Кодекс соблюдался до тончайших нюансов, нередко до поединка составлялся договор, регламентирующий условия его проведения.

Таким образом, дуэль служила ритуалом, посредством которого джентльмен добивался доброго мнения общины, или скорее мнения равных себе. По своей сути «кодекс чести» — это результат социально-экономического застоя жизни на Юге, окостенения социальной стратификации и экономической стагнации, который присущ устоявшемуся образу жизни, поскольку во времена быстрых перемен ценности девальвируются. Нетрудно заметить, что дуэльный кодекс укоренялся обычно в аграрных странах с подневольным состоянием большинства населения и с замкнутой в своей словесной сплоченности элитой. Эти феодальные рыцарские ценности, как правило, в капиталистическую эпоху встречались в странах с затянувшимся процессом перехода к новому состоянию.

Практика гостеприимства была частью морального кодекса южанина. Экономические условия также способствовали его развитию — рассеянные фермы и плантации, плохие дороги, изобилие продуктов, множество слуг, недостаток таверн. Гостеприимство возводилось в главную добродетель и отмечалось путешественниками из северных штатов и иностранцами как общая черта жителей Юга, редко встречавшаяся в индустриальных обществах.

Романтический, или рыцарский, идеал выражался также в манерах, в вежливом обращении с женщиной, которая должна была воплощать патриархальные ценности, быть неразговорчивой, находиться в основном в сфере дома, заниматься хозяйством, растить детей и поддерживать религиозные традиции. Вообще семья на Юге была главной ценностью, а семейные узы — крепче, чем на Севере. Это была аристократия крови, для которой честь семьи — не пустой звук. Имя старинной семьи, занявшее место в социальной истории штата, значило для джентльмена больше, чем богатство. Отсюда и социальный престиж занятия военным делом и политикой, выходцев из плантаторских семей. И южане значительно преуспели в гражданском строительстве и военном искусстве: большинство выдающихся американских генералов в период от войны за независимость до гражданской войны — с Юга, выдающихся национальных политиков — тоже. Достаточно сказать, что из 15 президентов 9 были южанами, и Юг господствовал в федеральном правительстве 50 лет

из 72. Один из американских политиков более позднего периода сказал: «Южный государственный деятель поступал определенным образом ради чести, северный — ради прибыли». Южные политики никогда не запускали руку в карман государства в отличие от послевоенной практики, когда в федеральном правительстве господствовали северяне.

Интерес к военным делам связан и с природными условиями жизни, которые культивировали готовность к самозащите. Говоря о характере южанина, современники отмечали его воинственный дух и волю к борьбе. Незадолго до гражданской войны английский путешественник в поездке по Южной Каролине и Джорджии отмечал, что сельская жизнь и постоянное обращение с оружием способствовали культивированию военного духа среди населения и что большие опасности, которым они постоянно подвергались, приучили их к решительному противодействию врагу. В 1846 г. Александр Маккей из Шотландии описывал «вспыльчивость Юга». Десятилетие спустя Джеймс Стерлинг был озабочен склонностью к насилию и готовностью к борьбе, которую он наблюдал в южных штатах, где, по его мнению, «дикое правосудие легко превращается в незаконное насилие, и кровожадная жестокость распространена среди грубых членов общества»¹⁰. В условиях сельской жизни центр власти, основа всей экономической структуры, заключена в земле и в людях, которые ею владеют. Поэтому на Юге закрепились привычка полагаться прежде всего на себя, а не на правительственные учреждения. Чувство персональной ответственности за свою безопасность и семьи вместе с внимательным отношением к чести способствовало укреплению в сознании южанина «личного суверенитета», убеждению, что он хозяин своей судьбы.

Существование зависимой рабочей силы, необходимость держать рабов под контролем усиливали воинственность южан. Аболиционистские атаки также влияли на стремление к защите военными средствами. Они рассматривали эти атаки как ведение войны против южных институтов. По определению Дж. Кэлхуна, это «война религиозного и политического фанатизма, смешанная у части лидеров с честолюбием и любовью к славе». При этом преследуется цель «унизить нас и нашу самооценку в наших глазах, и в глазах всего мира; подорвать нашу репутацию»¹¹.

Культурная обособленность Юга сказалась в таких чувствительных к идеям областях общественной жизни, как литература и образование. Высших профессиональных учебных заведений — колледжей и университетов — на Юге было мало. И это несмотря на высокую ценность образования в плантаторской среде и образованность самих плантаторов. Среди них было немало лиц, занимавшихся прикладными науками, прежде всего сельским хозяйством и политэкономией, в чем они достигли выдающихся успехов. Результаты исследований публиковались в соответствующих журналах. Но при этом аристократы не доверяли местным университетам. В какой-то степени это связано с отсутствием гуманитарных профессий как таковых. Утилитарность образования еще не стала целью. Профессиональный историк, литератор, издатель, юрист почти не был известен Югу. Аргумент «профессия даст возможность заработать на хлеб и масло» как цель образования появился в южных штатах только после войны. Существовали бизнес-школы — шестимесячные курсы, дававшие начальную профессиональную подготовку в области коммерции, железнодорожного дела, но они не вели к блестящей

карьере, к которой стремились выходцы из обеспеченных семей. Начальное образование южан — домашнее и школьное. Мальчиков учили читать много и быстро, думать ясно, анализировать терпеливо, судить критически, дискутировать точно и последовательно и становиться мастером в том, за что бы ни взялся. Этот метод обучения соответствовал афоризму Квинтилиана: «Не то, что можно вспомнить, составляет знание, а то, что нельзя забыть»¹².

При всей увлеченности плантаторов музами южная литература не стала самостоятельным и оригинальным феноменом. Этому способствовал ряд причин: преимущественно сельское по структуре население, отсутствие больших городов, разреженность населения, узкий круг читателей, концентрация мысли и исследований на вопросах политики, государственного управления и политэкономии, полное отсутствие коммерческого издательского дела. Все это объясняет, почему Юг дал так мало в литературном плане. В результате возникла мода на иностранные книги и взгляд на эти работы как на лучшие, чем их собственные. Отсюда и недоверие к собственным колледжам и университетам и отправление детей на учебу в северные штаты и в Европу. В соответствии с мировоззренческими установками и стилем жизни образованный класс Старого Юга отличала любовь к классике и преданность ей. Вряд ли где-то еще молодежь так хорошо знала греческих и латинских поэтов, историков, философов. Чтение подростками Вергилия и Горация вызывало удивление у иностранцев.

В связи с отсутствием собственной беллетристики и общим романтическим настроением особую популярность у южан приобрели труды Вальтера Скотта и других авторов приключенческих романов, идеализировавших рыцарский образ жизни. Марк Твен однажды высказался об ответственности Вальтера Скотта ни много, ни мало за гражданскую войну в США, поскольку впечатления от его произведений повлияли на стремление южан возродить рыцарский дух. Несомненно, это преувеличение. Скорее мироощущение джентльмена соответствовало тем понятиям чести и благородства, которые он видел в подобного рода литературе. Сами условия жизни на плантации способствовали формированию черт характера, признававшихся в качестве общественных ценностей.

Романтические идеи, господствовавшие в умах плантаторов перед гражданской войной в сфере социального познания, воплотились в свое время в концепции греческой демократии. И это — закономерное движение общественной мысли, увлеченной классической литературой и хорошо знакомой с античной историей. Идеальным общественным устройством признавалось свободное государство, основанное на покоренной зависимой рабочей силе. При этом традиционно обращались к истории, находя приемлемый тип общества в практике Афин времен Перикла. И это не случайно. Необходима была хорошо обоснованная общественная теория, способная примирить два противоречивых факта южной действительности: систему негритянского рабства и расширение демократии. Признав возможность демократии только для белых, а неизбежность рабства — для черных, идеологи Юга сумели создать концепцию южного общества, которая была принята плантаторами.

Основу этой концепции составляли аргументы в защиту рабства, которые оправдывали принцип «демократии для белых». Ссылаясь на исторический опыт предшествующих цивилизаций, на греческое рабство и средневековое крепостничество, идеологи Юга доказывали, что

процветание в обществе возможно только в том случае, если рабочая сила находится в зависимом состоянии. Доказывая, что рабство не противоречит христианству и гуманизму, они ссылались на Библию, где допускалось и рабство белого человека. Для большей убедительности привлекали и экономические, и социологические аргументы. Рассматривая историю человечества, идеологи Юга приходили к выводу, что в основе всякой цивилизации лежит эксплуатация рабочей силы. Южане отчетливо понимали, что неравенство коренится в природе человека, что всегда одни люди живут за счет других. Именно из этого очевидного для них факта они делали вывод, что Север, называя наемный труд свободным, умышленно совершал подмену понятий. Во всяком обществе, основанном на индустриализации, рассуждали сторонники философской концепции Юга, свободный труд становится анахронизмом, а там, где он существует, представляет собой лишь пережиток более примитивного общественного строя. Развитие промышленного производства сопровождается тенденцией поглотить всю рабочую силу, а наличие избыточных рабочих рук, появившихся в результате сгона крестьян с земли, создает конкуренцию на рынке рабочей силы, которая незамедлительно ведет к превращению рабочего в наемного раба. И поскольку рабство, следовательно, является в той или иной форме неизбежным спутником современной цивилизации, всякого просвещенного и великодушного наблюдателя должен волновать вопрос об относительном благоденствии раба в различных экономических укладах¹³.

Доктрина неравенства, утверждавшая невозможность равных отношений и равного положения всех членов общества, подрывала основы политической философии Т. Джефферсона и Декларации независимости, которые успели пустить глубокие корни в сознании американцев первой половины XIX в. В этих условиях идеологи Юга считали необходимым модифицировать демократические принципы отцов-основателей применительно к социально-экономической ситуации на Юге. Во-первых, социальная мысль Юга выработала расовые теории, которые позволяли говорить о демократическом обществе, в котором правами граждан обладают представители более высокой, цивилизованной белой расы. Поэтому лозунг «демократия для белых» позволял исключить негров-рабов из сферы демократического общества. Во-вторых, они отвергали эгалитарное учение Т. Джефферсона и утверждали, что неравенство людей является фундаментальным законом для всякого социального организма. Человек рождается не свободным и равным, а «подчиненным не только родительской власти, но и законам и институтам страны, в которой он родился и под чьим покровительством он делает первый вздох»¹⁴. Единственное право, которое признавалось естественным и уважаемым — стремление к счастью. Относительно положения южных рабов это означало закрепление в морали южных плантаторов понятия необходимости патерналистского отношения к зависимым членам общества.

Доктрина неравенства обосновывала социальную стратификацию и среди белых, а принцип «демократия для белых» обеспечивал социальное согласие между бедными и богатыми в едином политическом механизме. Южное общество основывалось на неравенстве людей по закону и экономическому и политическому положению. Интеллектуалы Юга полагали необходимым поддерживать социальную стратификацию, чтобы каждый человек занимал в обществе то место, которое он имеет по происхождению и экономическому положению. Тем самым выражалось

стремление к кастовому обществу. Рабство являлось позитивным добром¹⁵. Плантаторы осознавали свое положение в обществе как обязанность, которая накладывалась на них происхождением. Рожденные управлять обществом, они видели свое предназначение в сохранении традиционных общественных устоев, поддержании социальной стратификации.

Расизм позволял достичь классового сотрудничества между бедными йоменами и богатыми плантаторами. Принадлежность к белой расе объединяла различные экономические группы и давала им чувство превосходства. В то же время в общественное сознание активно внедрялась идея, что каждый бедный фермер может добиться обогащения и приобрести новый, более высокий экономический и политический статус¹⁶. Раса — общая принадлежность высшему образу жизни плантаторов и бедных белых — была достаточно сильным аргументом для признания, что порабощение негров являлось благом¹⁷.

Как утверждал один житель штата Вирджиния, «уничтожьте рабство, и вы в тот же миг разрушите великий демократический принцип равенства между людьми». Он имел в виду, что все белые могли пользоваться выгодами равенства, потому что негры являлись рабами. «Не имеет значения, что он не рабовладелец — он не принадлежит к подчиненной расе; он — свободнорожденный гражданин, он не занимается лакейским трудом. Беднейший встречает богатого как равного, сидит с ним за его столом, приветствует его как соседа, они вместе работают в общественных собраниях и стоят на одной социальной платформе. Поэтому там нет войны классов»¹⁸. И факт остается фактом — белые всех социальных групп стали активными защитниками института рабовладения. Не так давно американские историки стали выяснять причины этого явления и исследовать мир белых фермеров-йоменов. Например, по мнению Стивена Хана, эта часть населения южных штатов в значительной степени обеспечивала себя всем необходимым, не обладала, как правило, рабами либо имела не более одного раба, жила на периферии рыночной экономики и всячески старалась обеспечить автономность своих небольших местных общин. Мир йоменов Юга поэтому существенно отличался от ориентированной на рынок жизни фермеров Среднего Запада, что предполагало значительно меньшее проникновение системы коммерческих ценностей в общество довоенного Юга, чем это было в тот же период на Севере¹⁹.

Теория южного общества предполагала наличие как гражданских прав и привилегий господствующей расы, так и определенных обязанностей по отношению к государству. Уильям Харпер выражал это, когда говорил, что на Юге, как и в Афинах, «каждый гражданин должен быть солдатом и подготовлен, чтобы выполнять достаточно обязанности солдата». В *De Bow's review* один вирджинец советовал: «Чтобы всегда быть свободными гражданами, необходимо культивировать в себе ценности, чувства, более того привычки и манеры солдат». Они должны быть готовы к точным военным действиям по защите южных институтов²⁰. Эти мысли отражали приверженность рыцарскому культу, распространенному в среде плантаторов.

Южные рабовладельцы не были единственными американцами XIX в., кто смотрел пессимистично на «демона демократии» и ставил под сомнение ценность либеральных идей, врожденных естественных прав. На Севере также многие консерваторы питались гамильтоновскими сомнениями о способностях народа к самоуправлению. Но ни одна другая группа не придерживалась так твердо и последовательно взгляда, что люди

созданы неравными, как рабовладельцы Старого Юга. Никакая другая группа не искала ценности и идеалы в глубоком прошлом, не относилась так негативно к каким-либо изменениям, не была так враждебно настроена к современности, не без основания полагая, что социальные инновации могли подорвать и разрушить систему плантационного рабства. Такого рода сообщества обычно медленно принимали новые идеалы в морали и политике, веря, что стабильность и традиционность больше способствовали их интересам, чем то, что называют прогрессом.

Комплекс романтических идей — рыцарский культ, регламентирующий поведение, моральный кодекс, присущий аристократу — и идеал греческой демократии в представлениях южан выражали культурное своеобразие и отличие Юга. При этом считалось бесспорным, что ценности Юга гораздо выше, чем моральное состояние северных штатов. Таким образом, культурная изоляция и комплекс романтических идей содействовали стремлению к обособленности Юга и достижению регионального единства. Говоря о «южном народе» — «кавалерах», интеллектуалы Юга выражали мечту о единой южной нации, противопоставляя ее «янки» северных штатов и ценностям индустриального общества. Понимаемая таким образом культура, а также и общество южных штатов, по мнению южан, могли стать основой для отдельной южной нации. И это соответствовало характеру национальных движений в странах Европы. Феодалный характер этих ценностей, разделявшихся только одной, хотя и влиятельной группой, заключен во всяком рабовладельческом обществе в капиталистическую эпоху, но они не соответствовали духу времени и не являлись продуктом самостоятельного культурного развития. Заимствованные из разных источников эти идеи объективно не могли привести и, как известно не привели к появлению южной нации.

¹ Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М., 1993. С. 220.

² Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. М., 1962. Т. 2. С. 122.

³ Бурстин Д. Американцы... С. 275.

⁴ Там же.

⁵ Fitzhugh G. Cannibals all! Or Slaves without Masters. Cambridge, 1960. P. 113.

⁶ Ibid. P. 158.

⁷ Бурстин Д. Американцы... С. 280.

⁸ Там же. С. 269.

⁹ Eaton C. A history of the Old South. New York; London, 1966. P. 396.

¹⁰ Hope F.J. The militant South: 1800—1861. Cambridge, 1956. P. 2.

¹¹ Ibid. P. 80.

¹² Hamill H.M. The Old South. Dallas, 1905. P. 47.

¹³ Паррингтон В.Л. Основные течения... С. 123.

¹⁴ Colhoun J.C. A Disquisition on Government and a Discourse on the Constitution and Government of the United States // Ed. By R.K. Cralle. New York, 1968. P. 58—59.

¹⁵ Hope J.H. Op. cit. P. 83.

¹⁶ Dodd W.E. The cotton kingdom. New Haven, 1919. P. 25.

¹⁷ Hope J.H. Op. cit. P. 85.

¹⁸ Durden R.F. Southern Politics in the Nineteenth Century. Kentucky, 1985. P. 42.

¹⁹ Фонер Э. Рабство, гражданская война и реконструкция: новейшая историография // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 39.

²⁰ Durden R.F. Op. cit. P. 86.

SUMMARY. What is the specific character of the nation, what realities do determine it? The article by Candidate of Historical Sciences Eugene Pazenko "The Island — South" plunges the reader into social-cultural atmosphere of southern states of the USA of the first half of the 19th century. The author directs his attention to the problem of cultural self-identification of the southerners in this historical period of the USA.